

ТЕКСТ: МИХАИЛ КРЕЧМАР | ФОТО: ЯРОСЛАВНА БЕЛОПОЛЬСКАЯ

ВОЛШЕБНИК

Но Ферлах (а говорю я именно о нем) – не Додж 1877 года. Это обычный предальпийский бюргерский город – с фонтанами, несколькими кирхами, десятком сувенирных лавочек и парой мелких супермаркетов. Вся реальная жизнь вынесена из Ферлаха в соседний город Клагенфурт, где есть даже «Макдоналдс».

И тем не менее в центре Ферлаха в середине 2010-х годов постоянно звучат выстрелы.

Как в Додже 1870-х...

Дело в том, что в Ферлахе расположена одна из австрийских станций испытания оружия. И расположена она здесь не просто так: Ферлах – городок оружейных мастеров, одно из «оружейных сердец» западной Европы. Фамилии Хамбрушей, Боровников,

Есть на свете маленький и отчаянно скучный австрийский городок. В принципе не может быть веселым поселок, где живет около семи тысяч человек, не правда ли? (При этом демон сомнения подсказывает мне, что в Додж-сити в 1877 году жило значительно меньше семи тысяч человек, однако никто не назовет Додж 1877 года скучным городком...)

Хауптманнов известны знатокам оружия по всему миру. Есть здесь и что-то вроде колледжа для мастеров-оружейников – только вот не все заканчивающие этот колледж ученики становятся мастерами. Но некоторые становятся вровень с самыми известными...

Петер Хофер открыл свое собственное оружейное дело, будучи двадцати двух лет, в 1986 году, как раз тогда, когда почувствовал в себе призвание к самостоятельному полету.

– Я не хотел быть «одним из», – уверенно заявляет он в своем демонстрационном зале, где сосредоточены оружейные шедевры, превышающие своей совокупной стоимостью несколько миллионов евро, – я хотел быть однозначно лучшим.

Оружейный дом Петера Хофера напоминает лабиринт волшебника. Волшебником кажется и сам Петер – в вышитом сюртуке, с длинными волосами и горящими взглядом безумно увлеченного человека.

Мы начинаем знакомиться с Петером и его оружием с шоу-рума. На столе лежат эскизы существующих и будущих гра-

вировок. Некоторые из них выглядят предельно нетрадиционно для оружейного декора – например, хоровод бабочек или кабина разбитого самолета, в котором поселились львы, осенние листья или кельтская графика.

– На меня работают лучшие граверы в мире, – с гордостью говорит Петер, – и лучшие мастера по металлу, и лучшие ложевщики.

В небольшой комнате, которую язык не повернется назвать «цехом», работают три молодых человека – наверное, их надо называть подмастерьями или учениками, как принято было в Германии во времена гильдий и ярмарок какого-нибудь императора Оттона. Очень чистые, предупредительные и вежливые люди. И цех этот похож скорее не на цех, а на операционную. На столах ровными рядами лежат заготовки стволов, ствольных коробок, деталей механизмов... Ни стружек, ни металлических опилок – они исчезают отсюда в мгновение ока.

Произведения искусства создаются в чистоте...

Такой же чистой блистает и ложевая мастерская. Петер представляет нам Альфреда Цайнера – ложевого мастера, который работает с ним с момента основания мастерской. Они оба демонстрируют нам заготовки для ложей штуцеров сверхмалого калибра – такое впечатление, что части, которые должны стать базой для установки замков, являются деревянными кружевками. Однако это деревянное кружево в сочетании с установленными в него металлическими частями являет собой прочнейшую конструкцию, способную выдержать энергию развивающегося выстрела из огнестрельного оружия.

Глядя на эти ложи-лилипуты, я вспоминаю, что именно из мастерской Петера Хофера вышли самые крохотные штуцеры и комбинированные ружья в мире – весящий всего около килограмма (!) штуцер под патрон .22 Hornet и тройничок весом

1,9 килограмма под патроны .22 Hornet/.22 Hornet/.410.

А в шоу-руме нас ждет оружие-великан – штуцер четвертого калибра, на боковых досках, украшенный гравировками из жизни доисторических животных.

– Наше оружие не только оружие и не только произведение искусства, – говорит Петер. – Вот посмотрите эти гра-

вировки с доисторическими тварями – люди заинтересуются теми существами, которые тут изображены, захотят поближе узнать о них, начнут читать справочную и научную литературу, что, в свою очередь, подтолкнет их к личностному росту. Так что наше оружие имеет еще и образовательную нагрузку, – улыбается Петер.

Я задаю вопрос – охотник ли сам Петер, и влияет ли его собственный охотничий опыт на конструирование оружия?

– Нет, – горячится Хофер. – Влияет – только пожелание нашего клиента. И в самом деле – я вот охочусь всего столько-то дней в году. А у меня есть друг, который охотится вдвое больше. И он считает, что гарантированно знает об охоте на серну все. А наш клиент охотится столько же, сколько мой друг, может, чуть меньше, и тоже считает, что он знает все об охоте на серну, но его точка зрения прямо противоположна точке зрения моего друга. Итак, мы все – эксперты, и кого мне слушать? Себя, моего друга или клиента? Я предпочитаю всегда слушать клиента.

В этот момент его прерывает ученик, который выходит из лабиринта и почтительнейше обращается к Петеру, именуюя его «Майстер» – судя по мимике и жестикуляции, Майстером с большой буквы.

И при взгляде на него вспоминаешь, что величайшего музыкального волшебника всех времен и народов – Рихарда Вагнера – тоже звали Майстером... 🐾